

УДК 1**DOI: 10.34670/AR.2023.85.17.019****Российская цивилизация как историческое местобитие человека
(геофилософская перспектива)****Резник Юрий Михайлович**

Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12с1;
e-mail: reznik-um@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы геофилософии сквозь призму местобития человека в цивилизации. Последняя определяется автором как пространство, образованное в результате наложения культуры на определенный географический ландшафт, что делает границы между людьми или народами естественными, а их связи друг с другом органическими. Человек является местоблюстителем бытия, в т.ч. цивилизационного. А место определяет характер и направленность его бытия. Он призван заботиться о нем, сохраняя и приумножая скрытый в нем потенциал. Цивилизация есть местобитие культурно породненных и проживающих в одном географическом ареале народов, которые достигли в ходе коэволюции высшего духовного единства и имеют общую историческую судьбу, а также сходные традиции и ценности. Цивилизация в России представляет собой особый культурно-географический мир, который сложился на территории Северной Евразии как симфоническая (многонародная) личность и органическое духовное единство, развивающееся в направлении всеобщей гармонии. На переломных рубежах своей истории Россия может терять свой цивилизационный потенциал, распадаясь на механическое единство малых государств, составляющих протоцивилизацию (эпоха распада СССР), или восстанавливаясь в виде государства-цивилизации (нынешняя РФ). Геофилософская модель государства-цивилизации является приоритетной для развития современной России, если мы хотим эффективно решить свои внутренние проблемы и выстоять в противостоянии с Западом.

Для цитирования в научных исследованиях

Резник Ю.М. Российская цивилизация как историческое местобитие человека (геофилософская перспектива) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 9А. С. 134-151. DOI: 10.34670/AR.2023.85.17.019

Ключевые слова

Геофилософия, евразийство, местобитие, человек, культура, цивилизация, идеология, Россия-Евразия, Запад, связность.

Введение

Целью моего исследования является выработка обоснованного представления о российской цивилизации как местобытии человека. Главной же исследовательской задачей выступает анализ содержательных границ и характера противоборства планов местобытия человека в контексте цивилизационного развития современной России. Что же касается методологической задачи, то в данной статье я попытаюсь соединить евразийский взгляд на цивилизацию в России и критически переосмысленную версию геофилософии, предложенную Ж. Делезом и Ф. Гваттари применительно к анализу цивилизационного развития.

Философия находится в непрерывном поиске. Время от времени в ней совершаются повороты (например, антропологический, лингвистический, деколониальный и пр.). Одним из таких поворотов я считаю геолого-географический. Геофилософия как философское течение возникает еще в глубокой древности. Нет необходимости делать здесь исторический обзор ее эволюции. Достаточно обратиться к современному толкованию. Как известно, геофилософия для евразийцев – ключевой термин. Так, один из основателей классического евразийства П.Н. Савицкий обозначал им «синтез географических и исторических знаний» [Савицкий, 1997, 286].

Термин же «геофилософия» появляется в конце XX в. Считается, что его предложили Ж. Делез и Ф. Гваттари, которые настаивали на постижении природы (Земли) в мысли, когда нивелируется само различие между естественным (природой) и искусственным (культурой) [Делез, Гваттари, 1998]. Предмет геофилософии в их понимании – изучение бытия в контексте земли и территории. Делез и Гваттари пытаются переосмыслить понятие истории и вводят термины «случайность», «среда» и «становление». Однако им не удалось раскрыть содержание местобытия как органического единства человека и места.

Между тем в мою задачу как раз и входит разработка понятия «местобытие человека», которое имеет свои рефлексии (топос – образ плана бытия) и контекст (цивилизационное развитие). Местобытие я рассматриваю как исторически сложившийся способ связанности человека и места, сопряженный с определенным культурно-природным ландшафтом и соответствующий тому или иному плану бытия, который в свою очередь формируется в данной системе культурно-цивилизационных координат. План бытия – это типичный для конкретного региона (страны, группы стран, родственных в культурном плане, или цивилизации) способ местобытия, который рефлексивируется человеком в виде его образа (топоса). Он складывается у человека в зрелом состоянии и дан ему объективно как некий культурный образец. Поэтому его нельзя отменить, хотя можно корректировать при помощи описаний, локаций и проектов. Контекстом же местобытия в моем анализе выступает цивилизационное развитие России.

Местобытие же как природно обусловленный, культурно заданный и субъективно воспринимаемый процесс характеризуется, с моей точки зрения, признаками связанности (сращенности), «вмещаемости» и «породненности» («сродности») человека и места. Связанность бывает органической, когда достигается естественное единство человека и места, или неорганической (искусственной), при которой человек пытается «присвоить» место, сделать его объектом собственности или конструирования.

Вмещаемость указывает на местонахождение человека, его пребывание «внутри» конкретного места (или мест). Место «вмещает» в себя, а человек в него «входит». Но место может и не «вмещать» человека, выталкивая его за свои пределы, как это происходит, например, с Россией (и российским человеком), которая время от времени пытается войти в лоно западной

цивилизации. «Вхожденчество» характеризует неудачный опыт страны или человека войти в неорганичное для него место. Чтобы соответствовать месту, человеку необходимо быть месторазмерным, т.е. органичным ему, и обладать техниками вхождения.

Сродность же характеризует в свою очередь степень близости («породненности») человека и места. О ней писал еще Г.С. Сковорода [Зеньковский, 1991]¹. С его точки зрения, это – следование бытия человека божественному плану. Однако имеется и другой взгляд на сродность. Так, по мнению А.Н. Радищева, человек есть единоутробный сродственник всему тому, что живет на земле и пользуется ее благами. Это побуждает его относиться к месту так, как будто бы последнее является для него самым родным существом на свете или родиной в прямом смысле этого слова, т.е. местом, в котором он родился, вырос и живет. Сродность предполагает органичную вмещаемость человека, его месторазмерность.

У человека имеется не только божественная или искусственная (культурно опосредованная), но и естественная сродность с Землей как органической совокупностью всех природных стихий, включая планетарный и космический масштабы. Человек есть для бытия постольку, поскольку у него имеется место (или места) и соответствующий ему план бытия. Он «связан» с местом и выступает с ним единым комплексом – органичным, неорганичным (искусственным) или «смешанным». Поэтому бессмысленно сводить бытие к отношениям субъекта и объекта. Место не является для человека объектом. Оно его либо вмещает, либо не вмещает. А он в свою очередь входит в него или нет. Это – то, что делает его бытие полным и целостным, т.е. целокупностью (местобытием).

Следовательно, человек соприкасается с бытием через место. Бытие же в свою очередь «проскальзывает» или «просачивается» к нему через коридор возможностей, которые предоставляет ему место. Благодаря осознанию своего местобытия у человека формируется топос (субъективный образ места или системы мест), который дифференцируется внутри себя на различные описания (географию, биографию, историографию и т.д.) и ориентации (локации).

Между человеком и местом существуют другие, кроме божественного, способы идентификации. Одним из них является цивилизационная идентичность, которая посредством культуры делает местобытие вполне определенным и породненным со всей Земли. При этом под цивилизацией я буду понимать историческую форму существования людей, которая задает предельно широкую культурную рамку их отношений с Землей и в то же время выступает «территорией бытия людей», естественно отграниченной от других территорий и сопряженной с конкретным природным ландшафтом.

Местобытие человека в цивилизации носит двойственный характер: оно имеет, как минимум, два плана – имманенцию и трансценденцию, эмпирическое и духовное начала. Каждый план бытия задает человеку определенный угол зрения на место и местность, т.е. сосредоточие родственных в культурном отношении мест людей, проживающих на локальной территории. Имманенция устанавливает отношения с местом в пользу человека («человек важнее места»), а трансценденция – в пользу места, наполняемого трансцендентными смыслами («место важнее человека»).

С точки зрения плана трансценденции, местность имманентна и эмпирична. Это – то, что лежит на поверхности бытия, включая все его тела (физическое, психическое, социальное и пр.).

¹ Как пишет В.В. Зеньковский о метафизике Сковороды, «реальность бытия – разная на поверхности и в глубине...».

На это указывал и Г.С. Сковорода, подчеркивая, что эмпирическое начало в бытии подчинено духовному в нем². Истинный человек, как он считал, может быть только духовным, и он скрывается в глубине, за эмпирической оболочкой. Именно в нем заключена божественная сила (дух Божий). Поэтому его тела основаны на вечном (божественном) плане. Всечеловек есть одновременно земная личность, в которой противоборствуют друг с другом добро и зло, и воплощение небесного начала (Господа), управляющего земными силами. Таков, по Сковороде, план трансценденции местобытия человека. Разумеется, я его привел лишь в качестве примера и вовсе не считаю указанного мыслителя первооткрывателем данного плана. Ведь у последнего имеется множество предшественников и последователей.

Но в плане имманенции, философские корни которого также уходят в глубокую древность, все объясняется иначе³. Поверхностью здесь считается как раз то, что не укоренено в экзистенции человека и в его собственных основаниях (например, в концептах). Трансценденция предполагает возвышение места человека к абсолюту и рассматривается сторонниками плана имманенции как местобытие, навязанное ему свыше. С их точки зрения, она является лишь надстройкой над местом и не может заменить человеку «экзистенциальную территорию» (пространства экзистенциалов) или «территорию смыслов» (пространство концептов).

Однако, существует и третий план местобытия человека, который, возможно, не столь человекоцентричен, как план имманенции, но и не столь идеократичен или теоцентричен, как план трансценденции. В нем представлена новая естественность, являющаяся воплощением полной гармонии между человеком и местом. Здесь между человеком и местом устанавливаются паритетные отношения. С этой точки зрения, человек должен быть месторазмерен, а место – человекоразмерно. Я называю его планом экологии (или экологизации) бытия, который заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, в зависимости от природно-географических и культурно-цивилизационных факторов в местобытии человека могут складываться три варианта взаимодействия: *человекоцентричный* (место принадлежит человеку, зависит от него и «вращается» вокруг него); *местоцентричный* (человек зависит от места, а его деятельность предопределяется им) и *паритетный*, основанный на равном представительстве и сбалансированном единстве сторон – человека и места). Им соответствуют разные «связки» или «проводники» между человеком и местом: экзистенциалы или концепты (в плане имманенции), «фигуры духа» – властвующие

² В науке «сродство» понимается как способность одного объекта (тела) связываться с другим объектом и образовывать таким образом новый комплексный объект. Именно так тела человека, соединяясь с их местами, создают местобытие. Высшая степень родства – органическое соединение человека с землей. Но у Сковороды сродность означает уподобление себя и своего места Богу. Это следование своему призванию и вечному (божественному) плану. Призвание же человека состоит заключается как раз в органическом единении с земным, а не только с небесным местом (системой мест). А это значит, что надо быть, прежде всего, существом, органичным Земле, породниться с ней навсегда.

³ План имманенции возникает, с точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, еще в Древней Греции. Поэтому философия как первый опыт его осмысления могла зародиться только на Западе, где в производстве концептов удачно соединились друг с другом абсолютный план имманенции и относительная социальная среда (города-полисы). Восточные же и западные страны в целом должны довольствоваться, по-видимому, созданием и воссозданием «фигур духа», что соответствует плану трансценденции и в лучшем случае свидетельствует о существовании у них примитивных метафизических систем (практик «мудрствования»), а не «полноценной» философии.

идеи или божественные смыслы (в плане трансценденции), экстенциалы, то, что привнесено в место извне, или интенциалы, то, что определяется в нем сознательной активностью самого человека (в плане экологизации).

Кризис плана имманенции местобития современного человека как предпосылка метафизического раскола и столкновения цивилизационных моделей

По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, существуют детерминанты бытия человека, из которых метафизика извлекает либо «фигуры духа», как в плане трансценденции, либо «концепты», как в плане имманенции⁴. Они настаивают на господстве в современном мире плана имманенции в его присвоенческой версии. Однако именно этот план, с моей точки зрения, порождает множество противоречий цивилизационного развития и может оказаться губительным для всего человечества.

Основываясь на плане имманенции, Ж. Делез и Ф. Гваттари продолжают развивать вслед за Ницше идею европоцентристского происхождения философии, отказывая Востоку и не-Западу вообще в наличии собственных философий. С их точки зрения, новоевропейская философия, вобрав в себя и переработав наследие античной мысли, сосредоточилась в основном в трех странах – Франции, Англии и Германии⁵.

Неслучайно обладание концептами, как и присвоение территории, рассматривается Ж. Делезом и Ф. Гваттари как исключительная прерогатива «продвинутого» Запада и, прежде всего, стран, которые составляют сегодня, по их мнению, его философский «центр» (Франция, Англия, Германия), где каждый из участников выполняет свою миссию. «В триединстве “Основать – Построить – Поселиться” французы играют роль строителей, немцы – основатели, а англичане – поселенцев» [Делез, Гваттари, 1998, 137].

⁴ Фигура – это скорее символ веры, призывающий к единству, а концепт есть понятие конвенциональное, предполагающее согласие всех участников взаимодействия. Различия между ними состоят в следующем: «... фигура по сути своей парадигматична, проективна, иерархична, референциальна... Концепт имеет характер непарадигматичный, не проективный, а коннективный, не иерархический, а окольно-проселочный, не референтный, а консистентный» (Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 116-118). Фигуры допускают иерархию, подчинение чему-то вертикально-трансцендентному. Концепты же связывают людей в том или ином цивилизационном образовании узами соседства, т.е. по горизонтали.

⁵ Даже Италия или Испания не смогли, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, стать философскими державами, поскольку оказались близки к Священному Престолу и покорились церкви. «... Быть может, Англию и Германию в духовном плане спас разрыв с католицизмом, а Францию – галликанство... В Италии и Испании для философии не доставало “среды”, так что их мыслители оставались “кометами”, и обе страны были готовы эти свои кометы сжигать. Италия и Испания – те две западных страны, где мощное развитие получил кончеттизм, католический компромисс между концептом и фигурой...» (Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 133-134. Если далеко не все страны Западной Европы могут претендовать на статус философских держав, т.е. заниматься свободным творчеством концептов, то как же быть тогда с постижением бытия человека восточных (незападных в целом) цивилизаций и с его планом трансценденции? Неужели им следует отказать в своей метафизике, подменив ее интуитивным постижением фигур духа? Тем самым допускается, что авторитаризм, традиционализм и другие цивилизационные черты незападных стран не способны породить метафизику имманенции, т.е. собственно философию в ее европейском понимании.

Такое «разделение труда» внутри западноевропейской философии базируется на разных интерпретациях одного и того же плана местобытия – имманенции. При этом англичане ведут себя, как кочевники («поселенцы»), занимаясь вольным творчеством концептов на основе соглашения, немцы-основатели создают институты как органические целостности, а французы-строители – заключают договора. Местность (как «территория смысла») может быть разной, а вот «почва» у всех них одна – мир-архипелаг, который, как считается, сформировался на греческой земле. Наследником последней как раз и признает себя современный Запад⁶.

Однако, идейная экспансия Запада не ограничивается только полем философии, первородство которой неправомерно присвоено западными мыслителями. Не только философия, но и возникший опять же на Западе капитализм, по мнению Делеза и Гваттари, также базируется на плане имманенции, который расширяет и распространяет его влияние на все регионы бытия человека. При этом концепт, присущий имманенции, вступает в противоречие не только с христианской трансцендентностью («фигурами христианства»), но и с капиталом. «Концепт освобождает имманентность от всех границ, которые еще ставил ей капитал (или же которые она ставила себе сама в форме капитала, представляющего как нечто трансцендентное)» [там же, 130-131].

Следовательно, современный Запад в лице своих философов и идеологов сделал все возможное, чтобы реализовать план имманенции в теории и на практике, и при этом попытался преодолеть христианскую трансцендентность и «не впасть снова в фигуры Востока...» [там же, 131]. Вместе с тем он постарался убедить весь остальной мир в том, что он якобы породил философию как творчество конструкторов. Однако ему не удалось избежать в своей геополитике фигур духа, которые стали для него своего рода гражданской религией («свобода», «рыночная экономика», «демократия», и «права человека»). А значит Запад продолжает осуществлять план трансценденции, используя его преимущественно для проведения своей гегемонистской и неоколониальной политики. Так, план имманенции, не противоречащий в целом капитализму как системе эксплуатации наемного труда в одной стране, дополняется в глобальном масштабе планом трансценденции, осуществляющемся в виде империализма – системы эксплуатации целых стран и народов, которая установила беспощадный контроль над их территориями и ресурсами.

Однако меня интересует еще один вопрос. Значит ли то, что в отличие от Запада остальной мир пошел по пути утверждения плана трансценденции с ее символическими фигурами духа? Конечно же, нет. На том основании, что у восточных (и незападных) стран нет атрибутов западной цивилизации, им не следует отказывать в наличии цивилизационной специфики, в т.ч. собственной и аутентичной философии. Убежденность в противном есть не что иное, как догматическая вера западных мыслителей в собственную исключительность и непогрешимость.

⁶ Да, французские мыслители не скрывают своей убежденности в доминировании философии указанных выше стран. «Но почему же во всем капиталистическом мире только эти три страны оказались способны к совместной выработке философии?» (Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 133). Конечно же не потому, что в них жили и благоденствовали Ж. Делез и Ф. Гваттари. Разумеется, трудно поверить и в то, что здесь нет, как они утверждают, никакой идеологии и претензий на идейную гегемонию. Только факты... Но факты, препарированные должным образом. Ведь концепты суть «территория мысли», а значит обладание ими включает в себя притязания на территорию самой философии. Не может быть философии в тех странах, где нет свободного творчества концептов.

А может быть причина такой предвзятости коренится в другом – в абсолютизации плана имманенции как основного критерия философствования и соответствующего ему проекта цивилизационного развития? Однако то, что «внутри» западной цивилизации считается имманенцией, «вовне» выступает как план трансценденции, навязываемый Западом остальному миру в виде фигур «демократии», «рыночной экономики», «прав человека» и посредством модели модернизации («вестернизации»).

В то же время план трансценденции, не предназначенный для экспорта в другие страны, характеризует более устойчивую, чем имманенция (с ее экзистенциально окрашенном или концептуально выраженным началами), связь с местом. Согласно этому плану человек не является собственником или автором своего места, как в плане имманенции. В лучшем случае он – его хранитель. Место же, обладая идеей или сакральностью, трансцендентно. Трансцендировать свое местобытие означает для человека подчинять свое место, а тем самым и собственное существование, «высшим» смыслом. Но здесь скрыта другая опасность – возможность раствориться в месте, оказаться заложником таящихся в нем трансцендентных сил.

При этом местобытие человека в плане трансценденции выступает двояким образом: как мир идей, властвующих над человеком и подчиняющих себе его место (идеократия в понимании классических евразийцев), и мир божественного, локализованного в конкретном месте (теократия). Поэтому место понимается здесь как присутствие в каком-либо теле высокой идеи или божественного духа, т.е. как нечто потустороннее. Оно же, проходя через трансцендентные фильтры, либо уподобляется бытию идеи, либо становится проекцией божественного плана. В любом случае место не принадлежит человеку, а, напротив, диктует ему свои условия. Бытие человека местоцентрично, но само место подчинено трансцендентному.

В целом планы местобытия человека испытывают на себе влияние не только культурно-географического ландшафта, но и общественно-политических систем. В мире существует не так уж и много стран, в которых сложились «чистые» варианты плана местобытия (пример – идеократическая трансценденция в КНДР). Западные страны не являются тому исключением. Их план имманенции ценностно окрашен. Например, в США он воплощен в «американской мечте» (весьма расплывчатом представлении о свободной, успешной и процветающей жизни человека в стране необъятных возможностей), хотя и здесь сакрализация места приводит отчасти к трансценденции – возникновению гражданской религии и экспорту западных ценностей в зависимые страны. В таких же странах, как Китай или Россия, претендующих на собственный цивилизационный статус, формируются смешанные или «гибридные» варианты данного плана, которым соответствуют собственные ценностные приоритеты.

Так, в Китае в 1980-х гг. начался переход к новой модели цивилизационного развития, в которую при сохранении политической системы постепенно включались отдельные элементы капитализма (рыночная экономика, частная собственность, конкуренция и пр.). В результате уже в наше время идеократическая трансценденция местобытия китайского человека трансформировалась в идеократическую имманенцию, т.е. в «двухэтажную» конструкцию, соединяющую идеократическую трансценденцию «сверху» (идеи «социализма с китайской спецификой») и экзистенциальную имманенцию «снизу» (частная инициатива, ориентация на прибыль, самореализация, карьерный рост и пр.). Однако Китай, тем не менее, не стал строить общество потребления. Ему достаточно было, опираясь на принципы конфуцианства («датун» – великое единение, «хэ» – гармония, «сяокан» – среднезажиточность и др.), переосмыслить прежнюю идеологическую доктрину в терминах «зажиточного социализма», соответствующего

его культурной специфике или так называемому «гоцин» [Буров, 2002, 111]⁷.

Но что происходит с планом местобития человека в России? Считается, что он больше всего склонен к плану трансценденции. Однако, это не совсем так или совсем не так. Ей не чужд и план имманенции, но несколько в ином виде, чем на Западе. Здесь имманенция направлена не на присвоение (потребление), а на освоение территории. Поэтому «вхожденческая» стратегия (стремление стать частью Запада и построить общество потребления), принятая политическим классом в 1990-е гг., себя не оправдала в полной мере, хотя вирус потребительства удалось многим привить. Но место (западная цивилизация) отторгает Россию и ее человека не только по этой причине. Последний не вписывается в это место и выпадает из него в силу собственных ценностных оснований, не находя тем самым в нем смысл своего существования.

Конечно, с точки зрения евразийцев, в симфонической личности России месторазвитие как движение по трансцендентно-идеократическому пути стоит на первом плане. Но этого пути придерживается сегодня не так уж и много россиян, в основном те, кто отстаивает свои идеократические и религиозные ценности. Значительная же часть российских людей руководствуется сегодня планом «освоенческой» имманенции. И они предпочитают не «растворяться» в месте (крае или стране в целом), в которых скрыты трансцендентные смыслы, и не присваивать его, как в плане потребительской имманенции, а, скорее, «парить» над ним, используя его для освоения места (бизнес, карьера, семья, дом и пр.).

И в отличие от Китая в современной России оба плана местобития располагаются не по вертикали, а по горизонтали – условно «слева» или «справа». В ней трансцендентный порядок не стал доминирующим в российском обществе в отличие от советского периода, а его носители не получили в нем решающее политическое влияние. Точно также сторонники плана имманенции, став господствующим классом в экономике и политике, не обрели достаточной легитимности, чтобы диктовать свои условия всему обществу, принуждая его к потребительскому существованию. Поэтому план имманенции в России сложился иначе, чем на Западе. Он вырастает условно «справа» в виде освоения, а не присвоения территорий и налагается на план трансценденции, возникающий «слева», порождая тем самым гибридную форму местобития человека⁸.

Однако, сторонники плана «присвоенческой» (потребительской) имманенции местобития человека, возвращенного на Западе и преобразованного в план трансценденции, стремятся распространить свое влияние на весь мир, порождая массу конфликтов, в т.ч. цивилизационных. Но России в этой системе цивилизационных координат уже не удастся выжить. По-видимому, план присвоенческой имманенции и стратегия «вхождения» в лоно чужой цивилизации ей не подходят. Чтобы явить миру план единого местобития человека, который будет соответствовать ее собственной цивилизационной логике и специфике культуры («гоцин» в российском

⁷ В последние десятилетия китайские ученые стали подчеркивать значение термина «гоцин», указывающее на культурную специфику страны. Местобитие человека в Китае должно соответствовать «гоцин», т.е. учитывать весь комплекс социально-культурных особенностей или факторов, влияющих на место (систему мест). См.: Буров В.Г. Поучительный опыт (теория и практика осуществления этатистской модели модернизации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона) // Этатистские модели модернизации. М.: ИФ РАН, 2002. С. 111. Символом гоцин можно считать «Монастырь незамутняемой чистоты», находящийся в одной из колыбелей китайского буддизма в горах Тяньтайшань.

⁸ Слово «слева» употребляется здесь скорее в метафорическом плане. Так, например, у того же Сквороды сердце, располагавшееся слева в теле человека, выступает центром его духовного бытия.

исполнении), ей потребуется скорректировать две части своего «гибридного» плана и найти возможность их синтеза, или она так и останется «сидеть на двух стульях», балансируя между крайними полюсами – присвоенческой имманенцией и идеократической трансценденцией.

Итак, план местобытия и соответствующие ему цивилизационные формы (модели) становятся сегодня полем борьбы геополитических сил, отстаивающих и продвигающих свои идейные приоритеты, которые обусловлены не только «средовыми» факторами, но и метафизическими притязаниями. Вместе с тем продвижение западного плана присвоенческой имманенции местобытия человека выступает главным фактором метафизического раскола в философском сообществе, т.е. разделения метафизики на «истинные», «аутентичные» учения (философию в ее западном понимании) и на «догматичные» (незападные философско-мировозренческие системы).

Российская цивилизация – особое историческое местобытие человека и общества (евразийский взгляд). Россия является, с точки зрения евразийцев, местобытием не только общества, но и отдельного человека. Последний находит в ней свое природное, культурное и духовное пристанище. Поэтому ему нужна такая цивилизационная форма (место), которая соответствует критериям органичности, вмещаемости и сродственности плана местобытия.

Но какой план местобытия человека можно считать, по мнению евразийцев, органичным и сродственным российской цивилизации? Выскажу в этой связи несколько предположений.

Во-первых, важно отметить то, что российская цивилизация есть особое и предельно широкое историческое местобытие человека, предпосылки которого возникают еще в древние времена и в результате взаимопереплетения (или взаимопроникновения) природных ландшафтов, культур и духовного единения народов, проживающих как на территории России-Евразии, так и в зонах ее трансграничного влияния («русский мир» и пр.). Следовательно, «породнение» и «сращивание» с местом у российского человека произошло уже давно. И практически у каждого нашего соотечественника сложился свой образ (топос) российской цивилизации, который связан с конкретным географическим регионом и историческими свершениями предшествующих поколений. Память о них является неразрывной частью нашей цивилизационной идентичности.

О том, что цивилизация в России есть особое месторазвитие, отличное от так называемой «общечеловеческой культуры», с которой идентифицирует себя Запад, писали многие классические евразийцы [Вахитов, 2023; Резник, 2023, 179-204]). С их точки зрения, человечество в целом является механическим единством цивилизаций. Россия как локальная цивилизация, будучи органическим единством, развивается в направлении своей культуры и в тесной связи со своим географическим положением [Вахитов, 2023, 8]. Именно с ней ассоциирует свое местобытие человек.

Но что это за место? Отвергая культурно-цивилизационную экспансию Запада, евразийцы предложили свой проект православной в своей основе, авторитарной и идеократической цивилизации «Россия-Евразия», ядром которой выступает, с их точки зрения, имперское, многонациональное или федеральное государство (П.Н. Савицкий). О том, насколько обоснован этот проект, мне уже приходилось писать [Резник, 2023, 179-204]. Возможно, бытие человека в России представляется недостаточно привлекательным для представителей других цивилизаций. Но нельзя не признать вместе с тем правомерной критику евразийцами «вхожденческой» логики цивилизационного развития России. Трудно войти в то место, которое тебя не вмещает и отвергает. Причем это относится не только к стране, но и к человеку.

Причем я настаиваю на том, что первопричиной отторжения местом человека выступают не

столько культурно-цивилизационные различия, лежащие на поверхности, а сколько противоречия, которые возникают при соотнесении планов местобития. А это свидетельствует о том, что у нас сложился другой мир (и отнюдь не архипелаг), в котором не приживаются или отторгаются западные ценности, соответствующие иной конфигурации человека и места, чем в современной России. Иначе как объяснить все то, что происходит с нами сегодня в отношениях с Западом.

Во-вторых, одна из причин несовместимости планов местобития России и Запада заключается в том, что цивилизация складывается у нас как многонародное целое, имеющее особое месторазвитие и проявляющееся в единстве личностей, которое евразийцы (Н.С. Трубецкой) обозначали понятием «симфоническая личность». Другими словами, индивидуализированному обществу и эгоистическому человеку Запада противостоит многоличностная и многонародная личность с ее исконными ценностями и традициями. «Подобными симфоническими личностями являются народы, а также их союзы, связанные географическим соседством и перекличками в языках и культурах, превращающие их в “особый мир”...» [Вахитов, 2023, 122]).

Ничто подобное западному человеку, пребывающему на одном из островов архипелага, неведомо. Для него место не является многоличностной личностью. А ведь именно такой личностью, с точки зрения евразийцев, выступает для российского человека цивилизация «Россия-Евразия», противостоящая цивилизации эгоистического индивидуума на Западе. Она состоит из социального тела (плоти), связанного географически территорией, и духовной сущности (бессмертного духа). Благодаря духу личность осознает себя как особенное бытие, а свое предназначение в мире – как достижение «внутренней душевной гармонии, счастья» [там же, 124]. Последнее трудно совместимо с ценностями индивидуальной свободы, комфорта и гедонизма.

Возможно, именно поэтому Запад с его планом присвоенческой имманенции, соответствующим индивидуализированному и потребительскому обществу, не может смириться с существованием России с ее альтернативным планом местобития человека. И хотя эта альтернатива еще не проявлена в полной мере и представляет собой «гибридный» вариант (трансценденция – условно «слева», имманенция – «справа»), Запад отторгает Россию, продолжая свой курс на цивилизационную экспансию и ценностную интервенцию.

В-третьих, в логике учения евразийцев можно допустить, что в те или иные периоды исторического развития России местобитие ее человека трансформировалось в разных формах, которые можно рассматривать как стадии цивилизационного транзита: (1) начальная точка – *протоцивилизация* (например, совокупность малых княжеств, союзов княжеств или дружественных государств, культурно-исторический центр которых время от времени смещался с Запада на Восток); (2) «промежуточная» территория – *государство-цивилизация* (потенциально – Московское царство XVI-XVII вв., Российская Федерация в ее нынешнем виде); (3) место назначения транзита – политическое единство народов и культур, *евразийская цивилизация*, в т.ч. цивилизационная империя (Российская империя) или цивилизационный союз (Советский Союз), местобитием которой всегда являлась Россия-Евразия.

Каждая из стадий цивилизационного транзита России характеризуется разными признаками местобития: протоцивилизация (механическое множество) – сродностью, государство-цивилизация – органичностью и сродностью, а евразийская цивилизация – всеми тремя признаками. Только последней, являющейся пунктом назначения цивилизационного транзита, дано быть органичным, сродным и вмещающим в себя единством, которое в полной мере

соответствует местобытию человека.

При этом, следуя принципу периодической сменяемости («ритмичности») стадий цивилизационного транзита, евразийцы полагали, что на смену прежнему политическому единству (Российской империи или Советскому союзу), удерживающему цивилизационное целое, может прийти распад евразийской державы на малые народы/государства, которые в дальнейшем смогут объединяться в цивилизационное содружество или преобразовываться в государство-цивилизацию как территорию, расположенную по пути к месту назначения – евразийской цивилизации.

В-четвертых, с точки зрения евразийцев, эволюционируют не только цивилизационные формы местобытия человека в России, но и интегративные связи между историческими общностями (народами, государствами и пр.).

1. *Дружественные (в культурном смысле) связи.* Необходимо в первую очередь ответить на вопрос, что заставляло в далеком прошлом отдельные русские княжества, а сегодня побуждает разрозненные части бывшего СССР (национальные государства, образованные на его территории) чувствовать себя родственным или дружественным цивилизационной коалицией (не обязательно «русским миром»? Ответ на этот вопрос можно найти в евразийской концепции механического единства народов и их культур, которое соответствует состоянию протоцивилизации. На этом этапе их связывают между собой духовное родство и общность исторических традиций.

Однако, родственные и дружеские связи между независимыми государствами, входившими в прошлом в Российскую империю или СССР, за последние десятилетия ослабли, что привело к значительным потерям человеческих, духовно-культурных и материальных ресурсов. А значит, если мы хотим реализовать в будущем цивилизационную миссию России-Евразии, то необходимо уже сегодня искать более прочные основания для местобытия человека, опираясь на общие ценности и традиции, в т.ч. те из них, которые обоснованы ранее русскими мыслителями (духовность, соборность, всеединство, всечеловечность и пр.).

2. *«Державно-цивилизационные» связи или скрепы.* Географические границы современной России не совпадают с ее местобытием как евразийской цивилизации. Как было уже отмечено выше, в период распада страна может перейти в состояние множества национальных государств, хотя ей в таком виде явно не хватает потенциала для ускоренного развития (ограниченность человеческих ресурсов, инфраструктурные издержки и пр.). Процесс же воссоединения исторических земель России-Евразии может происходить длительный период и, чтобы избежать очередного распада (например, расчленения самой Российской Федерации), необходимо перейти в состояние государства-цивилизации, в котором человек соединяется с местом державными связями и традициями.

3. *«Союзнические» связи.* Нужно признать, что местобытие нового цивилизационного союза не обязательно должно повторять географически местобытие народов, входящих ранее в имперскую Россию или СССР. Оно будет охватывать собой лишь то месторазвитие, т.е. культурно-географическое пространство, в котором удастся органически соединить культуры и духовная жизнь народов. Как показывает исторический опыт, имперская форма цивилизации не подходит народам России-Евразии и путь к цивилизационному единству возможен через создание нового союза (союзного государства).

Пока же евразийская цивилизация (Россия-Евразия) – весьма отдаленная для нас перспектива, хотя время «собирать камни» уже настало. И кто знает, может быть идеал евразийцев когда-нибудь осуществится и где-то в глубинах сознания народов бывших советских

республик, а теперь нынешних независимых государств уже вызревает проект обновленного цивилизационного союза (союзного государства), который будет построен на основе органической культурной связи и демотической идеократии. И не последнюю роль в этом союзе я отвожу экософии человека, гармонизирующей его отношения с природной и социальной средой.

Представлю теперь в таблице некоторые результаты геофилософского анализа цивилизационного транзита современной России с учетом евразийских представлений (см. табл. 1).

Таблица 1 - Результаты геофилософского анализа цивилизационного транзита современной России с учетом евразийских представлений

Планы местобытия	Цивилизационные формы местобытия человека и стадии цивилизационного транзита	Способы и стратегии взаимодействия человека и места (территории)	Средства взаимодействия человека и места («проводники»)
План имманенции	Содружество народов и государств на территории бывшего СССР (СНГ) – механическое единство	Противоборство «освоенческой» и «присвоенческой» имманенций. Преодоление стратегии «вхождения» в лоно чужой цивилизации	Экзистенциалы/концепты «присвоения» и «освоения»
Горизонтальная конфигурация двух планов (имманенции и трансценденции)	Государство-цивилизация как «смешанная» форма единства (Российская Федерация)	«Освоенческая» имманенция, с одной стороны, и нарождающаяся идеократическая трансценденция, с другой. Реализация стратегии выживания в ситуации нарастающей конфронтации с Западом	Экзистенциалы освоения и объединяющие идеи (идеалы)
План экологизации	Евразийская цивилизация как органическое и экологическое единство	Экологическая идеократия с элементами имманенции. Утверждение стратегии коэволюции народов и культур, проживающих на естественно отграниченной территории	Экстенциалы (традиции места) и интенциалы (инновации человека)

Таким образом, Россия проходит очередную стадию цивилизационного транзита, что соответствует разным формам местобытия: с одной стороны, она продолжит оставаться частью содружества независимых государств (СНГ), а с другой, постепенно переходит в состояние государства-цивилизации, т.е. «промежуточной» территории. Надеюсь, что ей удастся выстоять в прямом столкновении с западной цивилизацией и со временем достичь пункта назначения, т.е. стать полноценной симфонической личностью или суверенным субъектом культурно-цивилизационного творчества. Но для этого потребуются, на мой взгляд, более привлекательная, прежде всего, в экологическом плане, модель местобытия человека. Другими словами, будущее России зависит, по моему убеждению, в первую очередь от того, удастся ли ей построить экологическую цивилизацию.

Геофилософская интерпретация особенностей цивилизационного развития России и Запада

В логике же геофилософии Ж. Делеза и Ф. Гваттари цивилизационный транзит можно представить как смену процессов детерриториализации (движение от территории к Земле, возрождение или восстановление целостной цивилизации) и ретерриториализации (движение от Земли к территориям – распад цивилизации на отдельные территории).

С этой точки зрения, цивилизационные образования в России на разных витках истории представляли собой то ретерриториализованные общности, разделенные на множество отдельных территорий (совокупность культурно дружественных или родственных государств или народов), то детерриториализованные общности, границы которых либо расширились путем присоединения новых территорий, либо восстанавливались в прежнем виде посредством воссоединения (в форме империи или союзного государства).

Вместе с тем в логике геофилософии Ж. Делеза и Ф. Гваттари та или иная цивилизационная модель в России определяется соотношением между трансцендентно-идеократическим (или трансцендентно-вертикальным) и имманентно-горизонтальным началами (векторами) ее исторического развития. При этом каждому типу цивилизационного образования (протоцивилизация, государство-цивилизация, полная цивилизация) соответствует свой план бытия и набор культурных образцов или «проводников (концептов или фигур, идеалов или ценностей).

Если воспользоваться опять же терминологией Ж. Делеза и Ф. Гваттари, то оказывается, что мыслить цивилизационное развитие в России можно по-разному. Для ассоциации родственных в культурном плане национальных государств достаточно иметь план имманенции, который вбирает в себя множество близких по духу и территориально смежных народов или культур – ассоциацию (пример – Западная Европа накануне объединения стран романо-германской субцивилизации и части стран восточнославянской субцивилизации в Европейский союз).

В ассоциации, по Делезу и Гваттари, только и возможно мышление концептами [Делез, Гваттари, 1998, 114]⁹. Цивилизационная связь между государствами здесь осуществляется на основе правил соседства. Причем она реализуется, как правило, в виде внешнего соседства (экзоконсистенции), образуя мосты между концептами, которые порождены разными культурами. Так, геократия («власть земли, почвы») в ней соединяется с демократией («властью народа»).

Что же касается характера цивилизационных отношений между государствами и народами в объединении ассоциативного типа, то его можно рассматривать как временное сообщество, в котором присутствуют элементы конкуренции. Именно таким сообществом выступает в настоящее время Содружество независимых государств (СНГ), куда входит часть бывших советских республик (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия,

⁹ Ассоциация государств или народов есть цивилизационное сообщество, где каждый обладает собственным набором концептов. Ее предпосылками Ж. Делез и Ф. Гваттари считали «чистую общительность как среду имманентности, “внутреннюю природу ассоциации”, противостоящую верховной имперской власти и не предполагавшую никакого предзаданного интереса, поскольку, наоборот, она сама предполагалась соперничающими интересами; во-вторых, особое удовольствие от ассоциации, составляющее суть дружества, но также и от нарушения ассоциации, составляющее суть соперничества...». Именно в такой среде могла возникнуть, по мнению указанных философов, греческая философия. Неслучайно ее чертами называются имманентность, дружество и обмен мнениями.

Россия, Таджикистан и Узбекистан). Путь же к новому органическому и вмещающему культурному единству (евразийской цивилизации) им еще предстоит пройти, преодолев экспансию западной цивилизации и другие внешние вызовы.

Но детерриториализация, по мнению Делеза и Гваттари, может осуществляться как в имманентной, так и трансцендентной формах. «Когда она носит трансцендентный, небесно-вертикальный характер и осуществляется имперским единством, то трансцендентное начало, чтобы вписаться во всегда имманентный план мысли-Природы, должно склониться или как бы повернуться; небесная вертикаль расплывается в горизонтальном плане имманенции, описывая спираль. При мышлении здесь требуется проецирование трансцендентного на план имманенции» [там же, 115]. Так происходит, на мой взгляд, и в государстве-цивилизации, где план имманенции носит трансцендентно обусловленный характер. Здесь еще сохраняется мышление концептами, но уже присутствует и мышление фигурами, которое предполагает всякая идеология. Другими словами, имманенция сочетается в государстве-цивилизации с идеократией (властью фигур – идей, символов).

Но как же соотносятся между собой планы местобытия западной цивилизации, с одной стороны, и цивилизации России, с другой? Полагаю, что первая уже существует как цивилизация-империя, а вторая становится возможным лишь в форме цивилизационного союза и складывается на данном историческом этапе как государство-цивилизация. «В имперских государствах детерриториализация трансцендентна; она имеет тенденцию осуществляться вверх, следуя небесной составляющей земли» [там же, 111-112]. Если же речь заходит о цивилизационной империи, то здесь «сверху» формируется план трансценденции, где поощряется «мышление фигурами» (например, религиозными символами типа китайских гексаграмм или индуистских мандал, исламских имагиналов или христианских икон), а «снизу» вполне может происходить оперирование концептами.

Но как случилось так, что Запад, возникнув на основе плана имманенции, в своей внешней политике пошел по имперскому (неоимперскому) пути? Ведь до сих пор я пытался показать, что западная цивилизация имманента по своей природе. Но дело в том, имманенция лежит лишь на поверхности бытия западного человека. Над ним же надстраивается весь имперский аппарат и соответствующая ему неокOLONиальная политика, которая предназначена для стран третьего мира.

Поэтому Запад не менял своей империалистической сущности в последние сто лет. Сегодня в нем, как и в прежнюю эпоху, существуют своя метрополия (США) и зависимые страны. Причем между ними возникает «буферная зона» из бывших метрополий. Именно такой зоной являются в наше время страны Евросоюза, Великобритания, Канада, Австралия и Япония, ставшие инструментами цивилизационно-имперской миссии США. Последние, стремясь утвердить свое имперское господство, десятилетиями осуществляют экспорт своих ценностей («свобода», «демократия» и пр.) и технологий, предназначенных для трансляции в страны третьего мира.

Таким образом, различные цивилизационные образования на Западе и России отличаются друг от друга характером внутренних связей (ассоциации или дружеские сообщества, имперские или союзное единства), а также образом мышления. Однако в ассоциациях и империях складывается формальное и принудительное единство. Оно лишено сродственности и органичности, которыми располагают содружества и союзы.

Мышление же в ассоциациях или содружествах государств и народов имманентно и концептуально. Это – мышление посредством концептов или экзистенциалов, хотя и созданных в конкретной культуре, но сохраняющих в себе потенциал соседства, т.е. способность

сочленяться и сопрягаться с экзистенциалами и концептами другой культуры. Различие между ними состоит в выборе средств взаимодействия человека и места. Ведь «проводники» (экзистенциалы/концепты) могут быть «присвоенческими», как в ассоциациях, или «освоенческими», как в содружествах.

В то же время и в цивилизациях-империях (например, на Западе) преобладает экспансионистская и «присвоенческая» логика развития, которая насаждает план трансценденции сверху, но не внутри своих стран, а в отношении зависимых от нее государств, оставляя план имманенции для «внутреннего пользования», т.е. для народов метрополии и «буферной» зоны. Одним словом, это старая, как мир, неокOLONиальная логика взаимодействия между «своими» (страны и народы метрополии) и «чужими» (зависимыми странами и народами).

Местобитие человека в современной России переживает сегодня глубокий кризис, хотя оно не имеет под собой колониальных корней. Да, российская цивилизация недостроена «снизу» как единая «территория для жизни» и не оформлена «сверху» как политическое единство (в перспективе – союзное государство). Однако, «окольно-проселочный» путь, предназначенный для малых и зависимых государств, как и имперский путь, избранный во внешней политике США и их сателлитами, для России губительны. В конце концов, это приведет к распаду страны.

А еще в нынешней геополитической ситуации существует реальная опасность «растаскивания» цивилизационного пространства России-Евразии на части между уже сложившимися цивилизациями (западной, арабо-мусульманской, китайской и пр.). Чтобы предотвратить дальнейшую детерриториализацию и сохранить свой цивилизационный потенциал, России необходимо пройти через период развития государства-цивилизации – потенциального ядра будущей евразийской цивилизации, которую можно построить лишь естественным (органичным) путем и на основе добровольного и вмещающего союза.

Но что же происходит с планом местобития российского человека? Он изменяется в зависимости от исторического периода (стадии транзита) и соответствующей ему модели цивилизационного развития России. Сегодня российский человек экзистенциально «прирастает» к тому месту, которое соответствует его личностным представлениям и которое пытается «освоить», а трансцендентно он укоренен в культуру своей страны (края) и подчинен «высшим» смыслам. Так что его местобитие «раздваивается», не находя опоры в едином основании. Путь к культурно-цивилизационному единству нам еще предстоит пройти, привлекая возможности смыслового самонаполнения собственных территорий.

В целом местобитие человека в российской цивилизации необходимо рассматривать как эволюционный процесс, который анализируется в геофилософии с точки зрения взаимосвязи географии и природы, истории и общества. И у нас имеется также своя метафизика, которая призвана создать образ нынешней и будущей России, способной стать цивилизацией, альтернативной Западу, а тем самым возродиться в новом качестве (см. табл. 2).

Таблица 2 - Критерии цивилизационного развития Запада и России

Критерии цивилизационного развития	Запад	Россия
Конфигурация планов местобития человека	«Вертикально-горизонтальная» (план имманенции для «своих», выращиваемый снизу, и план трансценденции для «чужих», насаждаемый сверху)	Преимущественно «горизонтальная» (план трансценденции «слева» и план имманенции «справа»)

Критерии цивилизационного развития	Запад	Россия
Тип цивилизации	Цивилизационная империя, отстаивающая свое доминирование в мире (метрополия, «буферная» зона и зависимые страны)	Цивилизационный союз (в форме союзного государства), сохраняющий национально-культурную автономию присоединившихся народов
Характер взаимодействия человеком с местом	Подчинение и присвоение территорий, входящих в зону влияния цивилизации-империи.	Освоение и самонаполнение территорий, находящихся в составе союзного государства
Способ интеграции стран и народов	Неоколониальная политика и строительство однополярного мира. «Приватизация» зависимых стран и беспощадная эксплуатация их ресурсов. Разрушение окружающей среды	Добровольное присоединение и строительство многополярного (и полицентричного) мира. Взаимовыгодное сотрудничество со странами других цивилизаций. Экологическая безопасность

Итак, план местобития российского человека в процессе цивилизационного развития принципиально расходится с планом местобития западного человека. России чужда имперская и неоколониальная политика. Поэтому в ней этот план выстраивается по горизонтали и исключительно внутри своего цивилизационного пространства («справа» – имманенция, «слева» – трансценденция), а на Западе – «внутри» метрополии и «буферных» стран господствует план имманенции, а «вне», т.е. в зависимых странах насаждается план трансценденции, состоящий из культурных суррогатов, предназначенных исключительно для цивилизационного эксперта.

Да, сегодня местобитие российского человека экзистенциально неполно и трансцендентно не самодостаточно. Но оно продолжает развиваться в собственной цивилизационной логике, используя «проводники» и техники освоения, а не присвоения, самонаполнения, а не вхождения.

Заключение

В заключение хочу отметить, что предложенный в статье анализ продиктован общей заботой о бытии, открывающемся нам в конкретном месте или системе мест. И таким местом, за которое стоит бороться, чтобы сохранить свою идентичность и образ жизни, является государство-цивилизация, а в отдаленной перспективе – цивилизация «Россия-Евразия», которая сможет стать полным и органичным местобитием для человека.

Вместе с тем нельзя позволить увести философский дискурс в сторону воссоздания модели цивилизационной империи. Вряд ли народы, некогда входившие в состав императорской России, а затем СССР, захотят снова вернуться в прошлое. Необходимо обоснование нового цивилизационного союза (союзного государства), который стал бы привлекательной во всех (в т.ч. в экологическом) смыслах моделью совместного и сопряженного исторического местобития.

Первый опыт у нас уже имеется (союзное государство России и Беларуси). Но на разработку объединяющей цивилизационной стратегии потребуются десятилетия упорного и напряженного труда как политиков, так и философов. Именно для этого нам и нужна геофилософия, которая позволит увязать эту стратегию с местобитием, прежде всего, с его культурно-географическим регионом, чтобы создать условия для человекообразного места и сделать самого человека месторазмерным.

Библиография

1. Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 1998. 288 с.
3. Резник Ю.М. Евразийский проект российской цивилизации и его современная интерпретация // Философия в полицентричном мире. М.: Сам полиграфист, 2023. С. 179-204.
4. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
5. Prieto E. Geocriticism, geopoetics, geophilosophy, and beyond // Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies. – New York : Palgrave Macmillan US, 2011. – С. 13-27.
6. Woodward K. Geophilosophy // International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology: People, the Earth, Environment and Technology. – 2016. – С. 1-8.
7. Woodard B. On an ungrounded earth: Towards a new geophilosophy. – punctum books, 2013. – С. 118.
8. Raschke C. A. The New Geophilosophy // Reconfigurations of Philosophy of Religion: A Possible Future. – 2018. – С. 153.
9. Gasché R. Geophilosophy: On Gilles Deleuze and Félix Guattari's What is Philosophy?. – 2014.
10. Shapiro M. J. Social science, geophilosophy and inequality // International Studies Review. – 2002. – Т. 4. – №. 2. – С. 25-45.

Russian civilization as a historical location of man (geophilosophical perspective)

Yurii M. Reznik

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher,
RAS Institute of Philosophy,
109240, b. 1., 12, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: reznik-um@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of ecophilosophy through the prism of the place of existence of man and civilization. The latter is defined by the author as a space formed as a result of the imposition of culture on a certain geographical landscape, which makes the boundaries between people or nations natural, and their connections with each other organic. Man is the *locum tenens* of being, including civilizational. And the place determines the nature and direction of his being. Man is called upon to take care of it, preserving and increasing the potential hidden in him. Civilization is the place of existence of peoples who are culturally related and live in the same geographical area, who have reached the highest spiritual unity and have a common historical destiny, similar traditions and values. Civilization in Russia is a special cultural and geographical world that has developed on the territory of Northern Eurasia as a symphonic (multinational) personality and an organic spiritual unity of a civilizational type, developing in the direction of universal harmony. At the turning points of its history, Russia can lose its civilizational potential, disintegrating into a mechanical unity of small states that make up a proto-civilization (the era of the collapse of the USSR), or recovering in the form of a state-civilization (the current Russian Federation). The ecological model of the state-civilization is a priority for the development of modern Russia, if we want to effectively solve our internal problems and withstand the confrontation with the West.

Yurii M. Reznik

For citation

Reznik Yu.M. (2023) Rossiiskaya tsivilizatsiya kak istoricheskoe mestobytie cheloveka (geofilosofskaya perspektiva) [Russian civilization as a historical location of man (geophilosophical perspective)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (9A), pp. 134-151. DOI: 10.34670/AR.2023.85.17.019

Keywords

Geophilosophy, Eurasianism, locality, man, culture, civilization, ideology, Russia-Eurasia, West, connectivity.

References

1. Deleuze J., Guattari F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow.
2. Reznik Yu.M. (2023) Evraziiskii proekt rossiiskoi tsivilizatsii i ego sovremennaya interpretatsiya [The Eurasian project of Russian civilization and its modern interpretation]. In: *Filosofiya v politsentrichnom mire* [Philosophy in a polycentric world]. Moscow: Sam poligrafist Publ.
3. Savitskii P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [Continent of Eurasia]. Moscow: Agraf Publ.
4. Vakhitov R.R. (2023) *Evraziistvo: Logos. Eidos. Simvol. Mif* [Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol. Myth]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
5. Prieto, E. (2011). Geocriticism, geopoetics, geophilosophy, and beyond. In *Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies* (pp. 13-27). New York: Palgrave Macmillan US.
6. Woodward, K. (2016). Geophilosophy. *International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology: People, the Earth, Environment and Technology*, 1-8.
7. Woodard, B. (2013). On an ungrounded earth: Towards a new geophilosophy (p. 118). punctum books.
8. Raschke, C. A. (2018). The New Geophilosophy. *Reconfigurations of Philosophy of Religion: A Possible Future*, 153.
9. Gasché, R. (2014). Geophilosophy: On Gilles Deleuze and Félix Guattari's What is Philosophy?.
10. Shapiro, M. J. (2002). Social science, geophilosophy and inequality. *International Studies Review*, 4(2), 25-45.